

*И. И. Докучаев**

**ФИЛОСОФИЯ В ЭПОХУ ГОСПОДСТВА ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ИДЕАЛИЗМ
И НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕДУКЦИИ СОЗНАНИЯ
АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ****

В статье показано возникновение феноменологии и аналитической философии как двух основных форм философствования, сохраняющих претензию на эффективность и оригинальность собственных когнитивных практик в условиях развития естествознания. Субъективность, понятая как ключевая форма реальности, становится предметом феноменологической философии сознания. Умозрительность в виде мысленных экспериментов и логический анализ языка, претендующий на то, чтобы зафиксировать универсальные способы концептуализации основных философских проблем, становятся предметом аналитической философии. Однако и феноменология, и аналитическая философия претендуют на своеобразную научность. Понятие науки в феноменологии рассматривается двояко: она предстает как строгая наука, основанная на усмотрении сущности (философия), и как наука о случайных фактах. Таким образом, философия берет верх над наукой. В аналитической философии наука рассматривается как экспериментальная и фальсифицируемая познавательная практика, а философия — как нефальсифицируемая. Таким образом, наука берет верх над философией. Однако обе эти традиции основывают свои утверждения на различных аргументативных базах, поэтому выявить преимущество той или иной точки зрения не представляется возможным. Предметность аналитической науки и феноменологической философии одна и та же — сознание, она рассматривается в феноменологии как подлинная сфера реальности в силу ее априорности, а в аналитической философии натурализируется и сводится к структуре материи, комплексу субъективных

* Докучаев Илья Игоревич, кандидат культурологии, доктор философских наук, профессор СПбГУ; Русская христианская гуманитарная академия; ilya_dokuchaev@mail.ru.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00542 «Бертран Рассел в России: эволюция рецепций и современные дискурсы».

переживаний или к протоматериальной реальности. Это различие в подходах сегодня хорошо осознано и нуждается в преодолении.

Ключевые слова: аналитическая философия, феноменология, демаркация философии, Эдмунд Гуссерль, Бертран Рассел.

I. I. Dokuchaev

*PHILOSOPHY IN THE ERA OF THE DOMINANCE OF NATURAL SCIENCE:
PHENOMENOLOGICAL IDEALISM
AND NATURALISTIC REDUCTIONS OF CONSCIOUSNESS
IN ANALYTICAL PHILOSOPHY*

The article shows the emergence of phenomenology and analytical philosophy as the two main forms of philosophizing that retain the claim to the effectiveness and originality of their own cognitive practices in the context of the development of natural science. Subjectivity, understood as a key form of reality, becomes the subject of a phenomenological philosophy of consciousness. Speculation in the form of mental experiments and logical analysis of language, which claims to fix universal ways of conceptualizing the main philosophical problems, become the subject of analytical philosophy. However, both phenomenology and analytic philosophy claim to be uniquely scientific. The concept of science in phenomenology is considered in two ways: science appears as a rigorous science based on the perception of essence (philosophy), and as a science of random facts. Thus philosophy takes precedence over science. In analytical philosophy, science is seen as an experimental and falsifiable cognitive practice, and philosophy as a non-falsifiable one. Thus, science takes precedence over philosophy. However, both of these traditions base their statements on different argumentative bases, so it is not possible to identify the advantage of one or another point of view. The objectivity of analytical science and phenomenological philosophy is the same — consciousness, it is considered in phenomenology as a true sphere of reality due to its a priori nature, and in analytical philosophy it is naturalized and reduced to the structure of matter, a complex of subjective experiences or to proto-material reality. This difference in approach is now well recognized and needs to be overcome.

Keywords: analytic philosophy, phenomenology, demarcation of philosophy, Edmund Husserl, Bertrand Russell.

История взаимоотношений аналитической философии и феноменологии имеет длительный и диалектический характер. Начавшись с тезиса, который можно определить как ситуацию возникновения логического позитивизма и феноменологии в Германии под влиянием неолейбницеанцев, и в первую очередь Бернарда Больцано и Адольфа Тренделенбурга (о последнем нужно сказать особо, ибо этот философ был учителем почти всех основоположников выдающихся философских традиций современности: достаточно назвать Серена Кьеркегора, Рудольфа Эйкена, Густава Тейхмюллера, Вильгельма Дильтея, Германа Когена, Евгения Дюринга и многих других), она прошла фазу полнейшего взаимного отрицания достижений в первой половине — середине XX века и сегодня вступила в период синтеза и взаимного обогащения достижениями. Еще одна ключевая фигура этой истории — Франц Brentano, среди учеников которого были основоположник гештальтпсихологии Карл Штумпф, создатель феноменологии Эдмунд Гуссерль, автор теории предметов Алексис Мейнон, крупнейший представитель логического позитивизма Казимир Твардовский (который сам создал целую школу логиков — Львовско-Варшавскую, среди представителей которой такие выдающиеся исследователи, как С. Лесьнев-

ский, К. Айдукевич, Я. Лукасевич, А. Тарский и другие), лидеры критического реализма Освальд Кюльпе, Карл Бюлер и Антуан Марти. Конечно, нужно назвать в этом контексте выдающихся венских и швейцарских философов: Рихарда Авенариуса, Эрнста Маха, Готлоба Фреге, Морица Шлика, Людвига Витгенштейна и многих других, чья деятельность во второй половине XIX и в начале XX века формировала интеллектуальный климат Австро-Венгрии и Германии, в котором феноменология и логический позитивизм сосуществовали и дополняли друг друга.

У феноменологии и аналитической философии много общего. И это не только их творцы, которые в равной мере стояли у истоков и того, и другого направления. Речь идет о принципиальном взгляде на философию как методологически ориентированное в направлении научного разума исследование, об отрицании спекулятивной метафизики в духе философии абсолютного духа Г. Гегеля или Ф. Шеллинга и о поиске места и роли философии в эпоху роста и дифференциации научного знания. Возникнув в Древней Греции как самостоятельная и независимая от религиозных и идеологических синтезов форма духовной культуры, наука в виде философии опиралась на рациональные аргументы и научную дискуссию, но была умозрительным предприятием, основанном на личном опыте философствующего исследователя. Философия никогда не знала позитивных аргументов, то есть не опиралась на редуцированный опыт восприятия мира, зафиксированный в экспериментальных данных, которые принципиально можно воспроизводить любому заинтересованному члену научного коллектива. Философия — это опыт переживания мира, а не организованного коллективного ощущения. Рационализация этих переживаний всегда проблематична, ибо доказать ее обязательность невозможно. В Средние века философия превратилась в латентную традицию, выполнявшую роль инструмента, который использовали в ходе комментирования и актуализации священных писаний и преданий. Но даже в такой форме она сохраняла свою специфику, которая в Новое время проявилась в виде претензии на обоснование и интеграцию любого знания, все больше и больше становившегося экспериментальным, то есть научным. Это развитие науки взорвало ее единство и сделало невозможными попытки его философского воссоздания.

Умозрительный и субъективный характер философии не позволял ей больше оставаться основанием наук, но он стал истоком ее новой формы существования. Философия стала наукой о субъективном мире постольку, поскольку этот мир претендовал на первенство по отношению к миру объективному. Так возникла феноменологическая философия сознания, фактически выступающая в роли интроспективной психологии, дополняющей естественнонаучную психологию поведения. С другой стороны, умозрительность философии позволила ей предложить своего рода развитие позитивной проблематики — парадоксальную логическую систему мысленных экспериментов, в которых можно было бы показать те или иные способы рассуждений о явлениях, принципиально недоступных для понимания с помощью методов экспериментального естествознания или психологии. Так возникла аналитическая философия, опирающаяся на науку и продолжающая ее исследования в сфере трансцендентного. Наконец, лингвистическая версия аналитической философии,

которая есть только рационализация поведенческих стереотипов и языковых традиций, имеет своей целью возвращение философской проблематики из сферы умозрительного и недоступного для критической проверки бытия в сферу повседневности. Конечно, повседневность случайна, но аналитическая философия пытается эту случайность увековечить, то есть выполняет то, что всегда было характерно для метафизики, — познание вечного во временном. В этом усилии и феноменология, и аналитическая философия остались верными методологической установке на единство истины, характерной для научного познания. В этой верности они выступали как форма знания, принципиально противоположная любым версиям плюрализма истины, известным в философии XX века. Однако идеалы научности в феноменологии и аналитической философии имели существенные отличительные особенности.

Тема науки и научности в феноменологическом дискурсе — по крайней мере, в его классическом изводе, связанном с именами Эдмунда Гуссерля и его учеников, продолжавших развивать именно классическую феноменологию своего учителя (речь идет о Людвиге Ландгребе, Клаусе Хельде, Карле Шумане и других философах, не осуществлявших ревизию оснований феноменологической философии и развитие не имеющих непосредственного отношения к этой теории традиций, а только отталкивавшихся от каких-то ее принципов и понятий; к числу «ревизионистов» можно отнести даже Ойгена Финка), — всегда была центральной. Теме науки и научности посвящены многие фрагменты ключевых сочинений Эдмунда Гуссерля, а также одна из его программных статей — «Философия как строгая наука» [2].

Однако тема науки развивается в работах Гуссерля в двух основных направлениях. Речь идет, с одной стороны, об эвиденциальной науке, а с другой — о науке как конструкции. К первой относится феноменология, все основные принципы и понятия которой оказываются следствием особого рода метода — усмотрения сущности. В основе этого усмотрения, с одной стороны, — процедура воздержания от присоединения к суждениям о существовании чего-либо и радикальное сомнение в этом существовании, заставляющее признать что-либо как несомненное и очевидное (у Декарта — несомненно существующее), а с другой стороны — редукция различных типов фактов сознания к эвиденциальным основаниям. Наука как конструкция рассматривается на примере естествознания как результат экспериментально установленных фактов и отношений между ними, который не выдержал процедуры радикального сомнения и не является результатом редукций, то есть не усмотрен как сущность, но получен как абстракция того или иного типа. Между эвиденциальной и конструкционной науками устанавливается отношение иерархии, в котором первая существенно определяет вторую.

Аналитическая философия науки, связанная в первую очередь с неопозитивизмом и постпозитивизмом (Бертран Рассел, Рудольф Карнап и Карл Поппер), выстроила иное отношение между философией и наукой (в феноменологической терминологии: между эвиденциальной и конструкционной наукой) [4]. Демаркация философии и науки определяется тем, что научное положение можно частично верифицировать и оно потенциально фальсифицируемо. Опровержение истинности научного факта может апеллировать как к чувственному

опыту, так и к логическому описанию этого опыта. Чувственный опыт, в свою очередь, оказывается ценным тогда, когда он может быть интерсубъективным, его можно обсуждать и критиковать, опираясь на общий контекст обсуждения. Философское высказывание не обладает такой возможностью обсуждения, ибо апеллирует к индивидуальному сознанию. Логическое же описание этого опыта возможно, так что различные противоречия и парадоксы потенциально могли бы быть использованы для опровержения тех или иных философских тезисов, исключая те, которые усмотрены непосредственно, редуцированы к эвиденциальным основаниям сознания. Однако нефальсифицируемый характер большинства тезисов, основывающихся на усмотрении сущности, ставит феноменологию, как и любую философию, в отношении ущербности по сравнению с наукой, превращает их в ненаучное знание [подробнее см.: 3].

Таким образом, отношения философии и науки в феноменологической и аналитической традициях описываются как прямо противоположные. Очевидность философии рассматривается как преимущество феноменологами, а экспериментальная фальсифицируемость науки рассматривается как преимущество аналитиками. В этой связи необходимо отметить, что подобный спор не может быть разрешен в чью-либо пользу. Следует отказаться от того, чтобы принять окончательное решение. Итоговая точка зрения не может принять одно из двух этих оснований, поскольку каждое из них имеет собственную аргументативную базу, и эти базы не столько опровергают, сколько дополняют друг друга. Спор о том, наука ли философия, совершенно бессмыслен. Поэтому его нужно перевести в плоскость дискуссии об основаниях той или иной аргументативной базы, в плоскость очевидности и неочевидности этих аргументов, то есть не в сферу метода, а в сферу его предметов — сознания и материи.

Тема науки и противоречия в ее истолковании между аналитиками и феноменологами лучше всего раскрывается в том, как используется эта наука, то есть в истолковании ее основной предметности. Ключевой темой расхождения аналитической философии и феноменологии является, конечно же, проблема сознания. Если для Эдмунда Гуссерля сознание — это подлинная форма и даже сфера бытия, доступная исследованию именно в таком качестве и обеспечивающая исследование всего того, что претендует на самостоятельность по отношению к нему, то для многих аналитиков сознание попросту не существует либо является вторичной и производной от материи формой ее существования. Гилберт Райл определял сознание как структуру мира, причем эта структура имеет не индивидуальный по преимуществу характер — а именно таким качеством наделяла сознание феноменология, поскольку сознание конституируется в рефлексии самим сознанием, то есть обладающим им эго, — а универсальный, в лучшем случае интерсубъективный, ибо выясняется путем анализа высказываний о сознании, производимых тем или иным языковым коллективом, а затем классифицируемых и определяемых в качестве той самой структуры. Логика Эдмунда Гуссерля восходит к ключевому для истории философии методологическому приему, продемонстрированному Рене Декартом в его поиске несомненного знания. Именно сознание удерживается в результате радикального сомнения как очевидная форма бытия. Однако это сознание Гилберт Райл не признает, называя его философской иллюзией, лишенным

каких-либо оснований и бессмысленным удвоением реальности — картезианским театром. Сложно согласиться с этой трактовкой идеи Декарта, хотя некоторые основания для нее есть. Декарт, провозглашая свой дуалистический принцип бытия, две субстанции — протяженную и мыслящую, дал материал для понимания этого принципа как театра. Декарта извиняет только то, что эти субстанции неравноценны и сознание обладает большим онтологическим весом, который превышает только бытие Бога. Однако Эдмунд Гуссерль никогда не был дуалистом, его концепция монистична и провозглашает сознание единственной формой достоверного бытия. Именно поэтому монизм Гуссерля может быть назван гносеологическим монизмом, хотя он имеет непосредственные онтологические экспликации. А в качестве результата радикального сомнения такая теория сознания гораздо лучше обоснована, чем интуитивистские заявления натуралистов (к которым можно отнести не только Г. Райла, но даже М. Хайдеггера и М. Шелера).

Таким образом, монизм характерен как для аналитической философии, так и для феноменологии, но он имеет различное содержание. Если для аналитической философии первично материальное бытие, сознание же выступает его структурой, то для феноменологии, наоборот, первично сознание, которое вместе с тем тоже выступает структурой материального мира. Бертран Рассел в своей концепции нейтрального монизма предлагает еще одну трактовку первичной субстанции: как нейтральной материи, которая обеспечивает бытие и природы, и сознания [5]. Вместе с тем эта материя все-таки натуральна, она гораздо ближе к природе, чем к сознанию, хотя и обладает рядом свойств, сближающих ее с теми или иными характеристиками сознания. Этот подход похож на концепцию Д. Чалмерса, выдвигающего в качестве подобного протосубстанциального субстрата материи и сознания некую цифровую или панпсихическую реальность. Несмотря на кажущуюся идеалистичность этой реальности, она опять-таки гораздо более натуральна, чем сознание. Идеи этих философов понятны, ибо современная концепция материи все дальше от классических представлений о неделимых атомах и даже об агрегатных и энергетических состояниях. Ускользающая от фиксации материя, представляющая собой различные отношения, фиксирующиеся не в причинно-следственных зависимостях, а в сложных симметриях, выражаемых дифференциальными уравнениями и иными математическими моделями, все больше напоминает некую идеальную конструкцию сознания, сходную с самим сознанием, но все-таки независимую от него. Вместе с тем подобные теории пока продолжают оставаться мысленными экспериментами, подтверждения которых ожидают от физики, а не от философии. Философская же аргументация продолжает оставаться уделом философов, и прежде всего феноменологов. Даже Д. Чалмерс в своей концепции «трудной проблемы сознания» остается феноменологом, определяя сознание как совершенно нередуцируемый к природе или материи способ существования субъективных переживаний, или квалиа [6].

Интерес к проблеме сознания сегодня в первую очередь связан с работами, выполняемыми на стыке биологии, информатики, физики наномира и когнитивной психологии (нанобиоинфокогнонаука, или NBIC). Аналитическая философия стремится синтезировать данные этих наук и представить на ос-

нове этого синтеза непротиворечивую логическую модель сознания. Однако такого рода исследование ведется от третьего лица, лишь изредка затрагивая проблемы непосредственной данности сознания самому сознанию в априорных формах и в актах трансцендентальных переживаний. Иначе говоря, структура сознания описывается не на основании того, что известно о сознании непосредственно и очевидно, но на основании косвенных данных о нем. Показательно, что в огромном списке литературы, прилагающемся к тексту философского бестселлера Дэвида Чалмерса «Сознающий ум», нет ни одного упоминания ни об Эдмунде Гуссерле, ни о каком-либо другом представителе феноменологического движения. Между тем невозможно адекватно описывать сознание, не обращаясь к феноменологическим данным о нем. Такое сознание будет представлять собой лишь конструкцию, степень реальности которой всегда будет являться проблемой и дополнительной трудностью для разрешения психофизического вопроса, рассматриваемого в NBIC-перспективе. Феноменологически эксплицированное содержание сознания должно быть положено в основу всех NBIC-описаний психофизического отношения. В противном случае чалмерсовский дуализм субъективного и объективного мира никогда не будет преодолен. Если речь идет об объяснении сознания как функции физических систем, необходимо понять, что именно объясняется, и феноменологическое содержание сознания является как раз тем самым исходным материалом для подобного объяснения, ибо обойти это содержание не представляется возможным.

Наконец, имеет смысл обратить внимание на еще один — причем важнейший — предмет расхождения аналитической философии и феноменологии — существование априорных форм. Это не просто квалиа, которые существуют хотя бы потому, что их переживает только субъект. Это идеальные и вечные сущности, открытие свойств которых осуществляется благодаря сознанию и в качестве форм сознания. Именно так они рассматриваются в феноменологии. Однако многие аналитические философы продолжают настаивать на том, что всякие априорные формы так или иначе имеют эмпирическое происхождение. Вместе с тем существует и другая точка зрения, высказанная также в рамках аналитической философии. Достаточно вспомнить концепцию третьего мира Карла Поппера. Исследование априорных форм опыта, открывающееся только в перспективе трансцендентальной методологической установки, или рефлексии сознательного бытия, есть нередуцируемый предмет философского исследования; однако оно открыто, обосновано и разработано именно в рамках феноменологии Эдмунда Гуссерля, поэтому она не будет забыта, но должна стать и станет одной из ключевых научных дисциплин будущего синтеза биологических, информационных, когнитивных и нанофизических наук. Сегодня процесс сближения феноменологии и аналитической философии только начинается, но он уже есть и его можно фиксировать и анализировать [1]. Достаточно упомянуть такие концепции, как нейрофеноменология Ф. Варелы, энактивистская феноменология Ш. Галлагера, редуктивный феноменализм Д. Фостера и другие. Ф. Варелла делает акцент на изучении корреляций феноменальных и нейронных состояний субъекта. Ш. Галлагер делает акцент на изучении роли тела субъекта в опосредовании

взаимоотношений сознания и материи. Д. Фостер описывает реальность как результат конструкции, выполненной сознанием субъекта по его законам. Издаются журналы, посвященные синтезу феноменологической и философско-аналитической методологии, открываются научные общества, посвященные этой проблематике. Так что синтез двух важнейших философских традиций современности является самой актуальной повесткой дня в истории философии эпохи гносеологического господства естествознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспарян Д. Э. Особенности феноменологического подхода в современной аналитической философии сознания // История философии. — 2019. — Т. 24. — № 2. — С. 90–103.
2. Гуссерль Э. Феноменология как строгая наука // Избранное. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. — С. 185–241.
3. Михайлов И. А. Идея науки в философии Эдмунда Гуссерля. Материалы к выступлению на семинаре «Проблемы рациональной философии» 16 февраля 2016 г. — URL: https://iphras.ru/uplfile/socsep/120_mihaylov.pdf
4. Поппер К. Логика научного исследования. — М.: Издательство «Республика», 2004. — 447 с.
5. Russell B. The Analysis of Mind. — Boston, Mass.: IndyPublish, 2002. — 206 p.
6. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. — М.: URSS, 2015. — 512 с.